

каты причины власти и исторических движеній въ реальныхъ условіяхъ современности: „несомнѣнно, говоритъ Толстой, существуетъ связь между одновременно живущимъ и потому есть возможность найти нѣкоторую связь между умственной дѣятельностью людей и ихъ историческимъ движеніемъ точно такъ же, какъ эту связь можно найти между движеніемъ человѣчества и торговлей, ремеслами, садоводствомъ и чѣмъ хотите“¹⁾. Толстой преспокойно остался въ области безплотнаго конуса, математическая правильность котораго все же не даетъ историческаго отвѣта, если только не считать таковымъ новое, на этотъ разъ уже толстовское *definitio per idem*: „отношеніе лицъ приказывающихъ къ тѣмъ, которымъ они приказываютъ и составляетъ сущность понятія, называемаго властью“²⁾. Но Толстого мало смущаетъ этотъ порочный кругъ; человѣческое знаніе навсегда обречено на такіе результаты: „въ послѣднемъ анализѣ (анализѣ причинъ историческаго движенія), говоритъ Толстой, мы приходимъ къ кругу вѣчности, къ той крайней грани, къ которой во всякой области мышленія приходитъ умъ человѣческой, если не играетъ своимъ предметомъ“³⁾.

Впрочемъ, это отсутствіе исторической причинности, этотъ фатализмъ, къ которому мы благополучно возвратились, вовсе не смущаетъ Толстого и онъ не сталъ бы дальше разбираться въ этомъ, если бы... если бы законъ исторіи „не касался человѣка... но законъ исторіи относится до человѣка“ и вопросъ изъ научно историческаго превращается до извѣстной степени въ субъективный: „человѣкъ..., который есть предметъ исторіи, прямо говорить: „я свободенъ и потому не подлежу законамъ“⁴⁾.

Такимъ образомъ, у Толстого, какъ и у всѣхъ мыслителей, рассматривающихъ исторію, возникаетъ вопросъ о свободѣ и необходимости.

Свобода и необходимость мыслятся Толстымъ какъ двѣ абсолютныя противоположности, уживающіяся рядомъ въ человѣческомъ дѣйствіи: „чѣмъ болѣе въ какомъ бы то ни были дѣйствіи мы видимъ свободы, тѣмъ менѣе необходимости и всегда, чѣмъ болѣе необходимости, тѣмъ менѣе свободы“⁵⁾. Въ смыслѣ категоріи исторіи необходимость тождественна у Толстого съ обыденнымъ пониманіемъ ея: необходимость—это абсолютная связанность, полная предопредѣленность законами; свобода—ея противо-

1) „Война и Миръ“. Т. IV стр. 374

2) Ibid. Т. IV стр. 392.

3) Ibid. Т. IV стр. 396.

4) Ibid. Т. IV стр. 397. Курсивъ мой.

5) „Война и Миръ“ Т. IV стр. 403.